С. Д. ОЛСОН

Олсон С. Дуглас (Olson S. D.)
PhD
Distinguished McKnight University Professor,
Колледж «Liberal Arts»,
Университет Миннесоты (США)
215 Johnson Hall, 101 Pleasant St SE, Minneapolis, MN 55455, USA
Тел.: 621-625-0513
E-mail: sdolson@umn.edu

«Демы» Евполида и афинская политика в 413–412 гг. до н. э.

Аннотация. «Демы» Евполида надежно датируются временем между 417 г. до н. э. и смертью драматурга в 411 г. до н. э. В течение почти двухсот лет считалось, что эта комедия была поставлена в 412 г. до н. э. после провала экспедиции на Сицилию и захвата Декелеи спартанцами, но до олигархического переворота 411 г. до н. э. Такая датировка позволяла видеть в пьесе общественную реакцию на ряд серьезных политических и экономических кризисов. Против этой датировки выступили Иэн Стори (доказывавший, что «Демы» были поставлены в 417 или, возможно, в 416 г. до н. э., до изгнания Алкивиада и до Сицилийской экспедиции), а также Марио Тело и Леоне Порчиани (предлагавшие датировать комедию 410 г. до н. э., после ниспровержения демократии в 411 г. до н. э.).
В начале статьи дается обзор того, что известно о драматическом действии «Демов». Затем автор приводит доводы против альтернативных датировок пьесы и доказывает, что лучше по-прежнему относить ее к 412 г. до н. э. Наконец, рассматриваются общественные настроения, которые могла отражать или использовать пьеса, когда драматург задумывал ее в 413 г. до н. э.

Ключевые слова: комедия, политика, датировка, демократия, Евполид

В 1911 г. Гюстав Лефевр опубликовал P. Cairo 43227 — три плохо сохранившиеся страницы из кодекса, датируемого IV–V вв. н. э., содержащие фрагменты 120 стихов, которые сейчас обычно считаются двумя отдельными отрывками из «Демов» Евполида и в издании произведений греческих комедиографов Касселя — Остина вместе получили обозначение «фрагмент 99» [Lefebvre 1911]. Кроме этого, сохранились 47 фрагментов (включая dubia) этой комедии; все они дают довольно мало для понимания произведе-

© С. Д. ОЛСОН (S. D. OLSON)
© Е. Ю. ЧЕПЕЛЬ, пер. с англ.

ния, а самый значительный из них состоит всего лишь из семи полных ямбических триметров, в которых речь идет о риторической мощи Перикла. Есть также несколько кратких testimonia. По всей видимости, в сюжет «Демов», подробнее о котором я скажу далее, входило воскрешение четырех умерших афинских государственных деятелей, которым была дана власть уврачевать беды Афин того времени. Пьесу можно уверенно датировать периодом между 417 г. до н. э. — следующим годом после битвы при Мантинее, к которой есть отсылка во фр. 99, — и смертью Евполида, которая, как обычно считается, случилась в битве при Киносеме в 411 г. В течение почти двухсот лет эту комедию единодушно датировали 412 г. При такой датировке постановка «Демов» состоялась после провала Сицилийской экспедиции и захвата Декелеи спартанцами в 413 г., но до олигархического переворота 411 г., что дает возможность понять «сюжет спасения» в этой комедии как выраженную через театр реакцию общества на ряд тяжелейших политических и военных кризисов в государстве. Как следствие, современные исследователи, не задумываясь, приписывают «Демам» определенную степень серьезности намерений, которую не всегда признают за афинской комедией конца V в., даже когда речь идет о явно политических на первый взгляд пьесах. Очевидна параллель с «Лягушками» Аристофана, поставленными в 405 г., в столь же темные и безнадежные дни после пирровой победы в сражении при Аргинусах, — с комедией, которая обращается к моральному и поэтическому авторитету Эсхила (которого по сюжету Дионис в конце действия также должен вернуть из подземного мира, чтобы попытаться таким фантастическим способом исправить глубоко укоренившиеся социальные и политические проблемы Афин). Дата постановки, приписываемая «Демам», также имеет значение для нашего понимания ряда фрагментов пьесы, в которых упоминаются отдельные политические фигуры, включая неназванного амбициозного политика, в адрес которого во фр. 99 звучит критика, что он не способен говорить на правильном аттическом греческом, и обвинения в том, что он рьяно продвигал провальную мантинейскую кампанию.

Эта общепринятая датировка недавно была оспорена в двух исследованиях, наиболее значимых в данном контексте. Иэн Стори доказывает, что «Демы» относятся к 417 или, возможно, к 416 г. до н. э., т. е. ко времени до остракизма Гипербола в 416 г., до побега Алкивиада в 415 г. и до Сицилийской экспедиции [Storey 2003], а Марио Тело и Леоне Порчиани относят постановку к 410 г., т. е. ко времени после ниспровержения демократии в 411 г. в результате олигархического заговора и периода правления так называемых Пяти тысяч [Telò, Porciani 2002].

В статье вначале я сделаю несколько вступительных замечаний о том, что известно (и что может быть известно) о постановке «Демов», особенно из каирского папируса. Затем я разберу доводы в пользу альтернативных дат пьесы, предложенных Стори и Тело — Порчиани, и покажу, что оба варианта не выдерживают серьезной критики; последнее означает, что лучше оставить для «Демов» общепринятую датировку 412 г. Наконец, я рассмотрю роль «политической» комедии в Афинах конца V в. вообще и особенно те настроения в народе, которые скорее всего были использованы или отражены в комедии Евполида, когда он задумывал ее в первой половине 413 г. Я утверждаю, что

сюжет «Демов» является прототипом тех чрезвычайных мер, которые были приняты в Афинах после поражения в Сицилии, и причина этого не в некой исторической или литературной иронии, а в том, что эти идеи уже были распространены в городе к тому времени, когда пьеса была поставлена. Другими словами, я не обвиняю Евполида в том, что из-за него пала демократия, но тем не менее считаю, что его пьеса была тесно связана с тем губительным образом мышления, который привел к этому падению.

Действие «Демов»

За последние 200 лет ученые потратили немало усилий на то, чтобы попытаться реконструировать сюжеты утерянных афинских комедий конца V в. до н. э., и почти все эти попытки оказались тщетны. В нашем распоряжении нет этих пьес — мы говорим, что они утрачены и поэтому по определению не могут быть восстановлены; все, что у нас осталось, это крошечные, разрозненные следы[1]. Можно выразить эту мысль иначе: ни одна гипотеза о содержании утраченного текста, поэтического или другого, которая выходит за рамки того, что сказано в древних источниках, не может быть проверена и подтверждена, потому что ее не с чем сверить. Это означает, что мы не можем «знать» о них почти ничего. Достаточно посмотреть, до какой невероятной степени различаются реконструкции «Демов», предложенные за эти годы (самые новые предложены именно И. Стори и М. Тело[2]), чтобы понять, что в этой области исследований, с одной стороны, царит спекуляция практически в чистом виде, а с другой — происходит выстраивание научного консенсуса, которое подвержено всевозможным личным и политическим влияниям. В конкретном случае с «Демами» все это означает, что мы не знаем, как начинается пьеса (хотя по этому поводу есть несколько теорий, противоречащих одна другой). И мы, конечно же, не знаем, чем она закончилась, а именно завершился ли грандиозный план главного героя однозначным успехом (если предположить, что в пьесе действительно был один центральный герой, как в комедиях Аристофана), или значение концовки было более двусмысленным, как в «Птицах» Аристофана, в которых герой, напоминающий Дональда Трампа, получает власть над всей вселенной — не обязательно на пользу всем остальным. Но все-таки благодаря различным данным, сохранившимся в комментарии к Элию Аристиду (= Демы, test. *i–ii) и в сочинении Платония «О комедии» (= Демы, test. v), мы знаем (или думаем, что знаем), что в этой пьесе Евполид вызвал из мира мертвых четырех мужей — законодателя Солона, Аристида «Справедливого», героя Марафона Мильтиада и Перикла — и что эти люди получили власть менять и вводить государственные законы. Имя главного героя «Демов» не было известно до обнаружения каирского папируса, в котором один из персонажей (по-видимому, человек, ответственный за возвращение мертвых государственных деятелей в Афины) назван Пиронидом. Это имя не является обычным афинским именем, и если верна гипотеза о том, что Пиронид и есть главный герой Евполида, то кажется весьма правдоподобным, что здесь имеется какая-то связь с кубковым кратером из Пестума середины IV в.

[1] Обсуждение этой и связанных с ней проблем см. в [Baltussen, Olson 2017].
[2] См. полное издание фрагментов этой комедии: [Telò 2007].

до н. э. (= adesp. com. fr. 64), на котором старик, одетый в комический костюм и названный в надписи ΠΥΡΩΝΙΔΕΣ, взаимодействует с музыкантом, который подписан как ΦΡΥΝΙΣ. Последний, правда, больше нигде не упоминается в связи с «Демами», и это должно напоминать нам о том, как мало мы знаем о действии пьесы.

Каирский папирус — если предположить, что имеющийся порядок страниц правилен, — по-видимому, начинается с конца парабазы, где хор обращается к зрителям, сначала жалуясь на различных людей, которые питаются лучше, чем они, и предлагая способы, как их «скрутить» (что бы это ни значило) (стт. 1–22), а затем яростно нападая с непристойной бранью на какого-то политика — современника постановки, которого они объявляют ответственным за поражение при Мантинее (стт. 23–34). Сразу же после этого на сцене появляются по крайней мере некоторые из умерших политических деятелей (стт. 35–40), и из того, что они говорят, можно предположить, что они возвращаются в мир живых и в Афины впервые после того, как были спасены из царства мертвых. Они следуют за Пиронидом, который впоследствии представляет их хору (стт. 60–75). (Вопрос, как может быть так, что хор, который должен находиться на сцене уже с конца пролога, до сих пор еще не встретился с умершими политическими, беспокоит ученых уже сто лет.)

Сказанное касается первых двух страниц кодекса. Третья страница, по видимости, сохранила часть того, что в Аристофановой комедии называлось бы «показательной сценой», в которой последствия того, что замысел главного героя достигает временного успеха, иллюстрируются серией встреч-столкновений в основном с неприятными посетителями. В случае третьей страницы фр. 99 «Демов» посетитель — обычно его называют Сикофант — это человек, который рассказывает блестящую и забавную, по его мнению, историю о том, как он вымогал деньги у иностранца, который ходил по агоре с ячменем в усах после того, как выпил напиток кикеон (стт. 81–98). В собеседнике Сикофанта в этой сцене обычно видят скорее Аристида «Справедливого», чем Пиронида. В любом случае Сикофанта в итоге бьют, связывают и уносят за сцену (стт. 102–112), во многом так же, как разных негодяев, которые приходят к герою во второй половине комедий Аристофана.

Что происходит после этого, мы не знаем, хотя фр. 131 часто интерпретируется как установление почитания умерших политических деятелей в качестве афинских героев, чтобы они на постоянной основе следили за государством и народом. Итак, город спасен ими и Пиронидом, который оказался достаточно находчивым и смелым, чтобы вернуть их из мира мертвых, — по крайней мере возникает такое представление.

Датировка «Демов»

Главная проблема, решению которой посвящена эта статья, — когда пьеса Евполида была поставлена, а также когда она была задумана (что не совсем одно и то же) и что́ следует из этой датировки. Стори отмечает два наиболее весомых сообщения в источниках, при помощи которых обычно аргументируют датировку постановки «Демов» 412 г. до н. э. (не считая навязчивых повторений и порочной круговой аргументации, что комедия должна была

быть написана и поставлена после неудачи в Сицилии, потому что только такое бедствие могло оправдать написание и постановку подобной комедии). Во-первых, это упоминание во фр. 99.11–14 неких лиц, которые живут внутри Длинных стен[3] ; по общему мнению это означает, что «Демы» относятся ко времени после захвата Декелеи в 413 г., так как Фукидид не оставляет почти никакого сомнения, что сельское население Аттики в этот момент находилось внутри городских стен. Во-вторых, это предполагаемая аллюзия во фр. 99.81–89 на серьезные обвинения в связанном с Элевсинскими мистериями кощунстве, которое раскололо афинское общество в 415 г.

Стори возражает против первого пункта, указывая на то, что из речи Андокида 1.45[4] ясно, что значительное число людей, включая афинян в статусе гоплитов, в 415 г. продолжали жить внутри Длинных стен, хотя, вероятно, они переселились туда за 15 лет до того, во время первоначальной волны вторжений спартанцев в сельскую местность, а затем, когда в 425 г. вторжения прекратились, решили по различным личным или экономическим соображениям остаться на этом месте и не возвращаться обратно в свои деревни. Тот же самый вывод можно сделать из места во «Всадниках» Аристофана, 792–793[5], поставленных в 424 г., которое Стори не цитирует, но в котором о персонифицированном афинском Демосе говорится, что ему приходится жить в помещениях, которые скорее подходят для бездомных и изгнанников, в том числе в башнях (т. е. в укрепленных стенах вокруг города). Жалоба во фр. 99.12–14 заключается в том, что жившие внутри Длинной стены получают больше еды, чем хор, хотя точное значение этого сетования неясно, отчасти из-за фрагментарного характера последующих стихов. Тем не менее легко поверить, что доступ к рынку продуктов, особенно к импортируемому зерну, был легче внутри стен, чем снаружи, в течение всей Пелопоннесской войны, вне зависимости от того, находились ли в стране спартанские войска. Таким образом, Стори, как кажется, прав в том, что настаивает на невозможности доказать из фр. 99.12–14 постановку «Демов» в 412 г., хотя в то же время эти стихи не содержат и несомненного подтверждения более ранней даты.

Что касается второго свидетельства, традиционно используемого для датировки пьесы, оно состоит в следующем. Во фр. 99.81–89 появляется иностранец с ячменной крупой в усах (ст. 82: [κρ]ίμνων τὴ[ν] ὑπήνην ἀνάπλεως),

---

[3] [δια]στρέφειν οὖν πρῶτα μὲν
χρὴ Καλλίαν | τοὺς ἐν μακροῖν
τειχοῖν θ’ ἅμ’, ἀ|[ρ]ιστητικώ-
τεροι γάρ εἰσιν ἡμῶν

«Прежде всего тогда следует скрутить Каллия, а также людей, которые в Длинных стенах, — потому что они лучше обедают (букв. “обедистее”), чем мы».

[4] ἀνακαλέσαντες δὲ τοὺς στρατηγοὺς ἀνειπεῖν ἐκέλευσαν Ἀθηναίων τοὺς μὲν ἐν ἄστει οἰκοῦντας ἰέναι εἰς τὴν ἀγορὰν τὰ ὅπλα λαβόντας, τοὺς δ’ ἐν μακρῷ τείχει εἰς τὸ Θησεῖον, τοὺς δ’ ἐν Πειραιεῖ εἰς τὴν Ἱπποδαμείαν ἀγοράν «Они призвали полководцев и приказали им сказать афинянам, жившим в городской черте, чтобы они взяли свое гоплитское снаряжение и отправились на агору; тем, которые были внутри Длинной стены, — идти в Тесейон; а тем, кто был в Пирее, — идти на Гипподамову агору».

[5] καὶ πῶς σὺ φιλεῖς, ὃς τοῦτον ὁρῶν οἰκοῦντ’ ἐν ταῖς φιδάκναισι
καὶ γυπαρίοις καὶ πυργιδίοις ἔτος ὄγδοον οὐκ ἐλεαίρεις

«И как же ты его любишь, если тебе не жаль его, хотя ты видишь, что он теперь живет уже восьмой год в бочках и щелях, в маленьких башнях?»

а Сикофант использует это, чтобы вытянуть из него взятку, видимо, угрожая судебным преследованием. Употребление кикеона было важной частью Элевсинских мистерий [Richardson 1974: 344–348], и этот эпизод часто понимается как несомненная аллюзия на судебные разбирательства нечестий в 415 г., когда выдвигалось много подобных ложных обвинений, каким и кажется угроза Сикофанта неизвестному иностранцу в «Демах». Стори замечает, однако, что «неясно, что происходит в стт. 78–120 фр. 99; обвинение в кощунстве совсем не очевидно», что «не все отсылки к Мистериям должны относиться ко времени после скандала 415 г.», и «кажется, что комедия избегала любого прямого упоминания скандалов 415 г. или связанных с ними лиц» [Storey 2003: 113]. Если эти утверждения верны, то дата «Демов» остается открытой в рамках периода, обозначенного в начале этой статьи. Мы знаем только то, что пьеса относится ко времени после битвы при Мантинее в 418 г. Но Стори предполагает, что пьесу лучше датировать 417 или, возможно, 416 г., во-первых, потому что эта датировка позволяет видеть в анонимном демагоге (фр. 99.23–34)[6] Гипербола, а во-вторых, потому что она подразумевает также, что «отсылка к Мантинее [прямо перед этим] — это аллюзия на что-то недавнее и актуальное, а не на событие, произошедшее более чем пять лет назад» [Ibid.: 114]. Кроме того, Стори отмечает, что если следовать его гипотезе, то фр. 104[7] можно понимать как указывающий на Алкивиада, который к 412 г. (традиционная дата пьесы) уже несколько лет не находился в Афинах, и очень маловероятно (по крайней мере, насколько можно было судить в то время), что он мог стать кандидатом в полководцы в будущем.

Стори, таким образом, показывает несостоятельность отсылки к жителям Длинных стен во фр. 99.12–14 как критерия для датировки «Демов». Но остальная часть его доказательства неубедительна. Во-первых, отнесение комедии Евполида к 417 или 416 г. на том основании, что это позволяет понимать фр. 99.22–34 как упоминание Гипербола, а фр. 104 — как упоминание Алкивиада, — это круговая аргументация. Ведь если комедия была поставлена позднее, можно представить себе и других кандидатов для интерпретации неназванных лиц, к которым есть отсылки в этих местах. Из этого не следует, что «Демы» не могут датироваться 417 или 416 г., а следует только то, что Сто-

[6] Особенно стт. 23–25, 30–32:

< l k l x l k l >]ι κἀξιοῖ δημηγορεῖν,
χθὲς δὲ καὶ πρώην παρ᾽ ἡμῖν φρατέρων ἔρημ[ος ὤν·
κοὐδ᾽ ἂν ἠττίκιζεν, εἰ μὴ τοὺς φίλους ᾐσχύν[ετο, 25
…
εἰς δὲ Μαντίνειαν ὑμᾶς οὗτος οὐ μέμ[νησθ᾽ ὅτι 30
τοῦ θεοῦ βροντῶντος ὑμῖν οὐκ ἐῶν[τας ἐμβαλεῖν
εἶπε δήσειν τοὺς στρατηγοὺς πρὸς βίαν [ἐν τῷ ξύλῳ;

«И он считает достойным быть политическим лидером, / хотя еще вчера и позавчера у него не было ни одного брата в наших фратриях; / и он бы даже не говорил на аттическом, если бы не стыдился друзей (25) ‹…› Разве вы не помните, как при Мантинее (30), когда бог гремел громом над вами, а полководцы не позволяли идти в атаку, / он сказал, что свяжет их силой?»

[7] καὶ μηκέτ᾽, ὦναξ Μιλτιάδη καὶ Περίκλεες,
ἐάσατ᾽ ἄρχειν μειράκια κινούμενα,
ἐν τοῖν σφυροῖν ἕλκοντα τὴν στρατηγίαν

«И больше не позволяйте, о владыка Мильтиад и Перикл, / занимать должности развратным юношам, / которые волочат чин полководца между лодыжками».

ри не предложил никакого веского основания в пользу лишь такой датировки. Во-вторых, как указывают Тело и Порчиани [Telò, Porciani 2002: 26–27], во фр. 99.30–32 хор упрекает зрителей в том, что они якобы забыли поведение неназванного политика в дебатах о Мантинее. Это значит, что здесь должна была быть не мгновенная последовательность между политическими событиями и театральной постановкой, как предполагает Стори, а дистанция в несколько лет между Народным собранием и последующей битвой, с одной стороны, и постановкой «Демов», с другой, а это — довод в пользу более поздней даты постановки пьесы в ходе войны.

Помимо всего остального, для предложенной Стори интерпретации исторического и социального контекста «Демов» остается решающим вопрос о злободневности произведения. Стори отмечает, что афинская комедия — или, по крайней мере, то, что дошло до нас из комедий этого периода, — нигде открыто не упоминает ни разглашение Мистерий 415 г., ни связанных с ним судебных процессов. По его мнению, это означает, что «Демы» также не должны намекать на эти события во фр. 99.81–89. Однако в комедии дважды прямо упоминается осквернение Герм (Ar. Lys. 1093–1094; Phryn. Com. fr. 41; cf. Ar. Av. 145–147 и комментарий ad loc [Dunbar 1995]), тесно связанное с обвинениями в разглашении Мистерий, а также неоднократно упоминается Алкивиад — важная социальная и политическая фигура, ставшая мишенью в этих расследованиях (Ar. Ra. 1422–1432). Фр. 99. 81–89 никак не может быть прямой отсылкой к событиям 415 г., он просто развивает мысль, что подобные судебные преследования были все еще возможны (или, вероятно, стали нормой) в Афинах. И хотя разглашение Мистерий и связанные с ним обвинения и суды не обязательно должны подразумеваться в обвинении Сикофантом прохожего иностранца, это все же наиболее очевидный контекст для данной истории. То же самое можно сказать о жителях Длинных стен: фр. 99.12–14 предполагает резкий и нерадостный контраст между положением живущих там людей и демов, из которых состоит хор, что было бы понятно после захвата Декелеи в 413 г., когда условия жизни в сельской местности должны были в значительной степени ухудшиться.

Как отмечает и сам Стори, в вопросах подобного рода невозможно достичь окончательной определенности. Тем не менее нет никакой обязательной причины, по которой нужно относить «Демы» к ранней дате, кроме желания увидеть отсылки на Гипербола и Алкивиада, и, напротив, есть серьезная причина отнести комедию к более поздней дате. Противоположную аргументацию находим у Тело и Порчиани, которые пытаются передвинуть дату пьесы в противоположном направлении, в 410 г., на основании их собственного понимания фр. 99.12–14. В отношении группы переселенцев в Анд. 1.45 Тело и Порчиани утверждают, что ἐν μακρῷ τείχει (букв. «в Длинной стене») — это коллективное единственное число, которое в качестве синекдохи относится ко всей территории, обнесенной Пирейской и Фалерской стенами; в то же время в выражении ἐν μακροῖν τειχοῖν (фр. 99.12–13) используется двойственное число, и таким образом (по словам Тело и Порчиани) это не синекдоха. Затем они переходят к отрицанию того, что предлог здесь указывает на нахождение внутри, и высказывают предположение, что ἐν μακροῖν τειχοῖν вместо этого относится к «постоянному местоположению *на* (курсив мой. — *Д. О.*) Длинных

стенах»[8]. Согласно Фукидиду (8.71), как отмечают Тело и Порчиани, в какой-то момент в июне 411 г. спартанский царь Агис напал на афинские стены, и афиняне в ответ выслали «конницу и некоторое количество гоплитов и легковооруженных воинов и лучников» (τοὺς δὲ ἱππέας ‹…› καὶ μέρος τι τῶν ὁπλιτῶν καὶ ψιλῶν καὶ τοξοτῶν ἄνδρας), которые отразили нападение пелопоннесских войск. Авторы предполагают, что другие гоплиты — те, кого не выслали противостоять войскам Агиса, — были размещены на городских стенах, но лишь ненадолго, и что это как раз и были те, про кого во фр. 99.12–13 говорится τοὺς ἐν μακροῖν τειχοῖν. Если Четыреста предложили этим людям рацион зерна, недоступный остальным гражданам, в то же время отменив традиционные выплаты, основанные на распределении по демам, например плату за службу в Совете[9], это могло вызвать жалобы о чрезмерной «обедистости», как это сказано в партии хора у Евполида. Следуя этой гипотезе, «Демы» можно датировать 410 г. и отнести их постановку к одному из двух праздников, которые следовали за нападением Агиса и защитными мерами афинян, а не на два года раньше, как традиционно считается. Следствием этого будет то, что комедия Евполида была задумана во время олигархического террора 411 г. и поставлена поздней зимой или весной следующего года, до того, как была восстановлена демократия.

Однако в отношении гипотезы Тело и Порчиани есть два серьезных возражения. Первое заключается в следующем: рассказ Фукидида о том, что в июне 411 г. некоторое число гоплитов было послано из города противостоять людям Агиса, никаким образом не предполагает, что была какая-то еще группа войск, поставленная в то же время на Длинных стенах для защиты от вторжения. Тело и Порчиани просто придумали эту группу, вместе со спором о продовольствии, который, по их словам, был связан с ней, на основании фр. 99.12–14. Но тот же стиль аргументации можно применить, чтобы поместить какую угодно группу куда угодно в любое время, чтобы объяснить проблему в тексте. Таким образом, у нас нет веской причины, чтобы отнести «Демы» к 410 г. Это подтверждается еще и тем, что Тело и Порчиани сами считают, что гипотетическая отправка специальных подразделений на Длинные стены в 411 г. была кратковременной мерой, поэтому трудно объяснить, почему хор у Евполида расценивает эту ситуацию как событие, вообще заслуживающее интереса, и при этом использует настоящее время (εἰσιν) на драматическом празднике в первой половине следующего года. Второй (и еще более решающий) контраргумент заключается в том, что древнегреческий язык во фр. 99.12–14 не позволяет интерпретировать текст так, как предлагается. Неясно, на каком основании Тело и Порчиани возражают против интерпретации ἐν μακροῖν τειχοῖν как «в области, окруженной двумя Длинными стенами», особенно учитывая, что они, по-видимому, готовы принять ἐν μακρῷ τείχει в Анд. 1.45 в значении «в области, окруженной Длинной стеной» (если Длинная стена понимается как коллективное целое). Более того, предлог ἐν с дательным падежом может значить «на чем-либо» в отношении поверхности для ри-

[8] «Una permanenza sulle Lunghe Mura».

[9] Ср. Th. 8.65.3 (эти нововведения были предложены, когда Четыреста еще имели власть в городе, но уже к концу их правления); [Arist.] Ath. 33.1 (где эта мера относится ко времени правления Пяти тысяч).

сования, вырезания, раскрашивания и т. п.[10], но не может означать «наверху чего-либо». Вероятно, именно поэтому (как отмечают сами Тело и Порчиани) никто ранее не предлагал такого перевода этого предлога у Евполида. Таким образом, люди, о которых говорит хор демов, находятся не наверху стен, как могла бы располагаться стража, но внутри них (как переселенцы в стандартной интерпретации текста).

Кроме того, интерпретация Тело — Порчиани, относящих «Демы» к 410 г., противоречит некоторым основным фактам биографии Евполида. Согласно Словарю Суды (ε 3657 = Eup. test. 1.3), Евполид «погиб в кораблекрушении при Геллеспонте во время войны против пелопоннесцев» (ἀπέθανε ναυαγήσας κατὰ τὸν Ἑλλήσποντον ἐν τῷ πρὸς Λακεδαιμονίους πολέμῳ), что наиболее естественно понимать как гибель в морской битве. Хотя сведений о его карьере гораздо меньше, чем нам хотелось бы, ни одна из датированных комедий не относится ко времени после 412 г., и ни в одном из 500 фрагментов не упоминается кто-либо из афинских политиков, активно участвовавших в жизни города после этого года; нет упоминаний и о каком-либо событии, произошедшем после 412 г. Поэтому смерть Евполида обычно связывают с потерей 15 афинских кораблей в битве при Киносеме в 411 г., т. е. он был убит чуть более чем через год после общепринятой даты «Демов» и примерно за год до той даты, которую предлагают для этой комедии Тело и Порчиани. Последние признают это затруднение только в одном примечании, в котором предлагают считать, что битва, в которой погиб Евполид, была не при Киносеме, а при Эгоспотамах в 406 г. Тело в своем полномасштабном издании комедии допускает в качестве еще одного возможного варианта битву при Аргинусах в 405 г. [Telò 2007: 23–24, прим. 49]. Но Эгоспотамы находятся рядом с Лесбосом, а не на Геллеспонте; и хотя при Аргинусах была уничтожена большая часть афинского флота, битва проходила на берегу, а не на море. Конечно, сведения Суды могут быть просто недостоверны, однако этот довод никуда не ведет, использовать его можно лишь в отсутствии других вариантов, и логичнее было бы заключить, что на этом основании гипотезу Тело — Порчиани следует отвергнуть.

Таким образом, нет ни одного решающего довода в пользу того, чтобы вслед за Стори смещать дату «Демов» назад к 417 или 416 г., и наоборот, есть существенные основания, чтобы не принимать его аргументацию; попытка же Тело — Порчиани отнести пьесу к 410 г. вообще неудачна по многим параметрам. Итак, «Демы» по всей видимости должны датироваться так, как датировались всегда: 412 годом, сразу же после поражения в Сицилии, но до олигархического переворота (т. е. битва при Мантинее, судебные разбирательства, связанные с кощунством над Элевсинскими мистериями, и захват Декелеи к моменту постановки уже произошли). Этот вывод далее подтверждается во фр. 103[11], который в схолии к Элию Аристиду, цитирующему эти стихи, интер-

---

[10] Например: Ar. Ach. 144: ἐν τοῖσι τοίχοις ἔγραφ’ «Ἀθηναῖοι καλοί»; *Av*. 450: προγράφωμεν ἐν τοῖς πινακίοις; Lys. 513: ἐν τῇ στήλῃ παραγράψαι; Ra. 933: σημεῖον ἐν ταῖς ναυσὶν ‹…› ἐνεγέγραπτο.

[11] {A.} ῥήτωρ γάρ ἐστι νῦν τις; {B.} ὧν γ’ ἔστιν λέγειν,
ὁ Βουζύγης ἄριστος ἀλιτήριος
«{A.} Есть ли теперь хоть один настоящий оратор? {B.} Из тех, кого можно так назвать, / лучше всех Бузиг, грязный паршивец!»

претируется как отсылка к некоему Демострату, которого Плутарх в «Никии» описывает как «демагога, больше всех подстрекавшего афинян к войне» (Plu. *Nic*. 12.4). О Демострате нам неизвестно почти ничего, кроме того, что сообщается в «Лисистрате» Аристофана (393–397) о его роли в дискуссии в Народном собрании 415 г., которое утвердило Сицилийскую экспедицию: разгневанный Пробул с отвращением описывает его как «презренного богами и подлого Холозига» (ὁ θεοῖσιν ἐχθρὸς καὶ μιαρὸς Χολοζύγης), переиначивая его родовое имя Бузиг. Схолий к Аристиду не объясняет инвективу ἁλιτήριος («грязный паршивец» или что-то в этом роде), использованную во фр. 103 Евполида. Но если «Демы» действительно были поставлены вскоре после того, как новости о провале Сицилийской экспедиции дошли до Афин, это ругательство, отзвук которого слышен в поставленной на следующий год «Лисистрате» Аристофана, выглядит своевременно и уместно.

Что следует из датировки «Демов» 412 годом

Если «Демы» были поставлены в начале 412 г., как я утверждаю выше и как традиционно считается, Евполид начал придумывать пьесу до середины лета 413 г., когда в начале афинского календарного года комические и трагические поэты, вероятно, представляли свои заявки архонтам, надеясь получить хор для постановки. Следовательно, несмотря на то что «Демы» были поставлены после того, как тем же летом в Афинах стало известно о поражении на Сицилии, и после того, как в качестве чрезвычайной меры управлять городом были назначены десять престарелых выдающихся пробулов (πρόβουλοι), в числе которых был трагик Софокл, основная сюжетная линия не могла быть реакцией на эти события, а скорее была их предсказанием. Поэтому тем более поразительно, что решение, к которому приходит герой Евполида для спасения Афин в период серьезных социальных и политических проблем (см. особенно фр. 99.45–48, 73–75), состоит в том, чтобы набрать коллектив из старейших и уважаемых — пусть и временно мертвых — афинян, чтобы они управляли государством, наказывали преступников, издавали или упраздняли законы. Отчасти аргументация Стори против интерпретации сцены со Сикофантом в «Демах» как отзвука «охоты на ведьм» после кощунства над Мистериями в 415 г. состоит в том, что «мы слишком легко допускаем, что Евполид был серьезен ‹...› Мы должны хорошо помнить, что [комедия в конце V в.] была развлечением и игрой, нацеленной на то, чтобы рассмешить людей и выиграть приз» [Storey 2003: 114]. Последнее совсем не очевидно, ведь главное средство, с помощью которого комический поэт завоевывал голоса судей, по-видимому состояло в том, чтобы понять, что́ значительная часть аудитории думала по какому-либо важному общественному поводу, и в том, чтобы показать с неожиданной и смешной стороны стремления и воззрения общества[12]. Конкретнее, сюжет «Демов» предполагает, что идея создать чрезвычайную комиссию из почтенных старцев, избранных в качестве пробулов, о чем вскользь упоминает в своей «Истории» Фукидид, не было новостью в Афинах в середи-

[12] Это лучше всего сформулировано Джеффри Хендерсоном [Henderson 1990]. Обзор мнений о политическом измерении афинской комедии конца V в. и о воздействии жанра на публику см. в [Olson 2010: 35–69] (с библиографией и анализом).

не 413 г., когда пьеса Евполида была выдвинута на участие в конкурсе. Напротив, сюжет «Демов» подразумевает, что предложения такого рода уже ходили в городе в это время и расценивались как мудрый и в чем-то смелый выход из ухудшающейся политической и военной ситуации, с которой были не в состоянии справиться обычные демократические институты. Комические поэты, по всей видимости, стремились к тому, чтобы представить себя как мудрых советников афинского народа (см., например: Ar. Ach. 633–58, esp. 633, 656); с такой их заявкой о себе нет особых причин соглашаться, если только в самом общем смысле. В действительности они говорили афинскому народу то, что афинский народ хотел услышать. Однако назначение пробулов в конце лета 412 г. не повлекло за собой больших улучшений, и уже через год, ко времени постановки Аристофаном «Лисистраты», их представляли как назойливых растяп, неспособных делать решающие шаги, чтобы спасти положение. Тревожнее то, что из-за бездействия пробулов позднее в том же году они (вопреки своим обязанностям действовать в соответствии со сложившейся ситуацией) оказались прямым образом вовлечены в ниспровержение демократии[13].

Евполид не был напрямую ответствен за то, что все произошло именно так. Но если «Демы» относятся к первой половине 412 г. и в некотором смысле — уже к 413 г. или ко времени еще раньше (а античные свидетельства предполагают именно это), то эту комедию, возможно, следует понимать как иллюстрацию слепого народного стремления принять желаемое за действительное, из-за которого власть над свободным демократическим государством вскоре перешла к небольшой группе жестоких антидемократических заговорщиков, а также как акт радостного одобрения или по крайней мере соучастия в этом эксперименте до того момента, как он обернулся крайне плохими результатами.

Пер. с англ. ***Е. Ю. Чепель***

Литература

Baltussen, Olson 2017 — *Baltussen H., Olson S. D.* Epilogue: A conversation on fragments // Fragments, holes and wholes: Reconstructing the ancient world in theory and practice / Ed. by T. Derda, J. Hilder, J. Kwapisz. Warsaw: University of Warsaw, 2017. P. 393–406. (Journal of Juristic Papyrology, Supplement 30).

Dunbar 1995 — Aristophanes: Birds / Ed. by N. Dunbar. Oxford: Clarendon Press, 1995.

Henderson 1990 — *Henderson J.* The Demos and the comic competition // Nothing to do with Dionysos? Athenian drama in its social context / Ed. by J. Winkler, F. Zeitlin. Princeton: Princeton Univ. Press, 1990. P. 271–313.

Hornblower 2008 — *Hornblower S.* A commentary on Thucydides. Vol. 3. New York: Oxford Univ. Press, 2008.

Lefebvre 1911 — *Lefebvre G.* Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire. No. 43227. Papyrus de Ménandre. Le Caire: Impr. de l'Institut français d'archéologie orientale, 1911.

Olson 2010 — *Olson S. D.* Comedy, politics, and society // Brill's companion to the study of Greek comedy / Ed. by G. W. Dobrov. Leiden; Boston: Brill, 2010. P. 35–69.

[13] О роли пробулов в антидемократическом перевороте см.: Th. 8.67.1 и комментарий на 8.1.3 [Hornblower 2008]; также см. комментарий на [Arist.] Ath. 29.2: [Rhodes 1981].

Richardson 1974 — The Homeric hymn to Demeter / Ed. by N. J. Richardson. Oxford: Clarendon Press, 1974.

Rhodes 1981 — *Rhodes P. J.* A commentary on the Aristotelian *Athenaion Politeia.* Oxford: Clarendon Press, 1981.

Storey 2003 — *Storey I. C.* Eupolis: Poet of old comedy. Oxford: Oxford Univ. Press, 2003.

Telò 2007 — Eupolidis *Demi* / A cura di M. Telò. Florence: F. le Monnier, 2007.

Telò, Porciani 2002 — *Telò M. , Porciani, L.* Un'alternativa per la datazione dei 'Demi' di Eupoli // Quaderni Urbinati di Cultura Classica. Vol. 72. No. 3. 2002. P. 23–40.

Eupolis' *Demes* and Athenian politics in 413–412 BCE

Olson, S. Douglas
PhD
Distinguished McKnight University Professor,
College of Liberal Arts,
University of Minnesota
215 Johnson Hall, 101 Pleasant St SE, Minneapolis, MN 55455, USA
Tel.: 621-625-0513
E-mail: sdolson@umn.edu

Abstract. Eupolis' *Demes* certainly dates to between 417 BCE and the poet's death, generally put in 411 BCE. For almost two centuries, it was unanimously assigned to 412 BCE, after the failure of the Sicilian Expedition and the Spartan occupation of Deceleia, but before the oligarchic coup of 411 BCE, allowing the comedy to be read as a public response to a series of enormous political and military crises. This dating has been challenged by Ian Storey (who argues that *Demes* belongs in 417 or perhaps 416 BCE, before the flight of Alcibiades into exile and the Sicilian Expedition), and by Mario Telò and Leone Porciani (who put it in 410 BCE, after the overthrow of the democracy in 411 BCE). I begin with brief remarks about what is known about the on-stage action of *Demes*. I then argue that the alternative dates for the play face decisive objections, and that *Demes* is better kept in 412 BCE. Finally, I consider the sort of popular sentiment Eupolis' play must have been exploiting or echoing when it was conceived in 413 BCE.

Keywords: comedy, politics, dating, democracy, Eupolis

References

Baltussen, H., Olson, S. D. (2017). Epilogue: A conversation on fragments. In T. Derda, J. Hilder, J. Kwapisz (Eds.), *Fragments, holes and wholes: Reconstructing the ancient world in theory and practice*, 393–406.. Warsaw: University of Warsaw. (*Journal of Juristic Papyrology;* Supplement, 30).

Dunbar, N. (Ed.) (1995). *Aristophanes: Birds*. Oxford: Clarendon Press.

Henderson, J. (1990). The Demos and the comic competition. In J. Winkler, F. Zeitlin (Eds.). *Nothing to do with Dionysos? Athenian drama in its social context,* 271–313. Princeton: Princeton Univ. Press.

Hornblower, S. (2008). *A commentary on Thucydides* (Vol. 3). New York: Oxford Univ. Press.

Lefebvre, G. (1911). *Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire. No. 43227. Papyrus de Ménandre.* Cairo: Impr. de l'Institut français d'archéologie orientale. (In French).

Olson, S. D. (2010). Comedy, politics, and society. In G. W. Dobrov (Ed.). *Brill's companion to the study of Greek comedy*, 35–69. Leiden; Boston: Brill.

Richardson, N. J. (Ed.) (1974). *The Homeric hymn to Demeter*. Oxford: Clarendon Press.

Rhodes, P. J. (1981). *A commentary on the Aristotelian Athenaion Politeia.* Oxford: Clarendon Press.

Storey, I. (2003). *Eupolis: Poet of Old Comedy*. Oxford: Oxford Univ. Press.

Telò, M. (Ed.) (2007). *Eupolidis Demi*. Florence: F. le Monnier. (In Latin).

Telò, M., Porciani, L. (2002). Un'alternativa per la datazione dei 'Demi' di Eupoli'. *Quaderni Urbinati di Cultura Classica, 72*(3), 23–40. (In Italian).

To cite this article:

Olson, D. S. (2017). "Demy" Evpolida i afinskaia politika v 413–412 do n. e. [Eupolis *Demes* and Athenian politics in 413–412 BCE]. Trans. by E. Yu. Chepel. *Shagi / Steps*, *3*(4), 128–140. (In Russian).

Received August 6, 2017